

В. П. Капитон

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГЛАВНОМ

В статье анализируются основные феномены, с которыми неразрывно связано человеческое существование: жизнь, смерть, свобода, вера, любовь, одиночество, надежда. Освещается золотое правило (закон) бытия: все, что имеет начало, имеет и свой конец, то есть, понятие «смерти» рассматривается как необходимый атрибут жизни. Также, предметом анализа автора есть способ понимания человеком значения жизни и смерти, путем познания самого себя. Отмечается, что необходимо спросить себя самого, к чему «Я» пришел, прожив полжизни, во что «Я» сейчас верю. С этим анализом, неразрывно связаны размышления о «времени», «опыте», «одиночестве», «свободе» и «любви», которые есть великой тайной Жизни как вещи-в-себе.

Ключевые слова: истина; жизнь смерть; судьба; время; свобода; одиночество; надежда; вера; любовь.

Статті аналізуються основні феномени, з якими нерозривно пов'язане існування: життя, смерть, свобода, віра, любов, самотність, надія. Висвітлюється золоте правило (закон) буття: все, що має початок, має й свій кінець, тобто, поняття «смерті» розглядається як необхідний атрибут життя. Також, предметом аналізу автора є спосіб розуміння людиною значення життя та смерті, шляхом пізнання самого себе. Зауважується, що необхідно запитати самого себе, до чого «Я» дійшов, проживши півжиття, у що «Я» зараз вірю. З цим аналізом, нерозривно пов'язані роздуми про «час», «досвід», «самотність», «свободу» та «любов», які є величною таємницею Життя як речі-в-собі.

Ключові слова: істина; життя; смерть; доля; час; свобода; самотність; надія; віра; любов.

An author detailed highlights a value and role of «time» in the human being. The problem of loneliness is analyzed, as one of the most serious philosophical problems, because human essentially remains subjective, individual and lonely. Only the love is that diminishes (facilitates) the feeling of loneliness. The «mental revolution» and «spiritual catastrophe» meanings that are typical for the current human being is analyzed. The value of «love» opens up in research as the «human love», the «family, parents, children and earth - motherland love».

Key words: truth; life; death; fate; time; freedom; loneliness; hope; faith; love.

Утро. Еще рано, жена еще спит. Я тихонько встал и подошел к окну. За окном на откосе сидел Доцент. Так зовут нашего кота. Я открыл окно, кот спрыгнул на пол и направился к своей тарелке. Насытившись рыбьей головой, Доцент подошел ко мне, потерял ногу, мурлыкнул и попросился на улицу. Через некоторое время он снова сидел за окном и снова, когда я открыл окно, Доцент направился к тарелке. На сей раз, после трапезы, тщательно вылизав лапы и туловище, он лег на своей подушке под столом... У Доцента свой жизненный ритм: поел, поспал, погулял и так день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем... Кот в расцвете своих сил, его кошачья жизнь непонятно для чего. Но свою территорию он защищает храбро - ловит мышей, крыс, скворцов и голубей, гоняет чужаков. Я однажды наблюдал, как, висая на одной лапе на тонкой ветке самой вертушки абрикосы, другой он отчаянно нападал на чужака, издавая при этом какой-то невообразимый рев.

Даже жизнь обычного кота вызывает много вопросов. Попади он в другие руки – и у него сложилась бы иная линия жизни, или судьба. Судьба ведь не задается только свыше и она не есть нечто предопределенное. Много лет я считал, что понятие «судьба» - пустое. Однако... В .В. Розанов в «Мимолетном 1915 года» писал, что «будущее сильнее прошлого...». По-моему, между ними асимметрия, и стрела сдвинута в сторону прошлого. «Прошлое тяжелым кошмаром давит на сознание живых». Кажется, это сказал К. Маркс. И, наверное, это правильно. Только что составляет органику этого прошлого? Вот вопрос вопросов. В прошлом замешено все: и генетические начала, и социальные, и географические, и религиозные, и культурные, и космические. Что возьмет верх – гениальность, талант, полуталант, просто трудолюбие и прилежание или невероятная тупость? Ну, кто ответит на это?

* * *

Раннее утро всегда приятно, чувствуешь себя почти «могиканом» - многое хочется сделать, успеть: и то, и другое, и третье... Раннее утро еще шепчет, что ничего нет в мире невозможного... Ночью углы, шероховатости, колдобины, ямы...скрыты покрывалом возможностей; душа помалкивает или тихонько подсмеивается, потому что в эти минуты вы толком не понимаете, кто живет в ней и чего в ней больше – истины или лжи. Ну, с истиной вопрос сложнейший – ни Аристотель, ни Ленин, ни Б. Рассел так и не ответили на него. «Я есть Истина и Жизнь...». Вера вас поглощает, если ваш умишка не кичлив. Истина и Жизнь тождественны. Понять это тяжело, практически невозможно. Никогда человек не постигнет истины бытия. *Deus mundum regit* (Бог правит миром). В это надо верить или хотя бы попытаться поверить. Вера - неизбежное человеческое начало. Ну а ложь!? К ней стоит присмотреться. Ложь от незнания и страха перед истиной. Ложь - это сумерки бытия. Бытие и свет тождественны истине. Доцент - не лжет, потому что не обладает самосознанием. Человек лжет, потому что не

знает своего «Я» и «Эго». Вот эта сладкая парочка «Я - Эго» и есть «черная дыра». «Я» хочет, но «не знает», и тут вклинивается «Эго» с его жадностью есть, пить, дышать и т.д. и пахучестью половой сферы. Откуда же взяться истине? Необходим Господь Бог. Ложь – удел человека.

* * *

Постепенно утро набирает свою силу. Покрывало возможностей тает, исчезают остатки сновидений, от ночных шепотов, видений, образов, грёз, переживаний не остается и следа; лишь какое-то непонятное томление остаётся глубоко-глубоко в душе, если это был «Боже! какой сон!». Действительность, реальность занимает вас, отмахнуться от нее нельзя. Надо принимать ее и действовать. И – о Боже! - вопросы, вопросы и вопросы возникают в мозгу. Перед человеком всегда стоят вопросы - «что делать?», «что же нам делать?». У каждого свой ответ и своя индивидуально-неповторимая, уникальная жизнь. Но жизнь социума – это не простая сумма, не простое множество уникальностей, а нечто иное. Но большинству никакого дела нет до этого «нечто». Почему? Не знаю, по-видимому, от эгоизма. И, тем не менее, для каждого из индивидов есть одна фундаментальная проблема - проблема человеческих феноменов, которые любой человек в той или иной степени осмысливает, от которых невозможно отмахнуться. Что это за феномены? Их всякий знает, они очевидны. Человеческая жизнь неразрывно связана с феноменами смерти, веры, любви и надежды. Ни один из этих феноменов не является атомарным, они в душе каждого целостные, их невозможно атомизировать. Посему понять одно без другого практически невозможно. Вспомним, как в «Старосветских помещиках» Н. В. Гоголь воскликнул: «Что же сильнее над нами: страсть или привычка? Или все сильные порывы, весь вихорь наших желаний и кипящих страстей - есть только следствие нашего яркого возраста и только по тому одному кажутся глубоки и сокрушительны?» Все элементарно и сложно одновременно... «...Все наши страсти против этой **долгой, медленной, почти бесчувственной привычки** ...». Прекрасное живое дерево. Притягательный источник. Вся жизнь. «Старосветские помещики»... Привычка - вторая кожа человека. Отсюда такая ее понятность. Это - азбука. Ее должен понять каждый. Правда, ее не понял В. Г. Белинский, сразу же окрысился на «Старосветских помещиков». В. В. Розанов в упомянутом же «Мимолетном 1915 года» заметил, «что Гоголь был вовсе не умен»... что, может быть, и верно. Но бесспорно, что Н. В. Гоголю необходимо было иметь в своей душе такую светлую и теплую печаль, чтобы накрыть нас своей чистотой: «Бедная старушка! Она в то время не думала ни о той великой минуте, которая ее ожидает, ни о будущей своей жизни; она думала только о бедном своем спутнике, с которым провела жизнь и которого оставляла сырым и бесприютным». В этом его сила и ум. Гоголь себя не обманывал. Он хотел этой «почти бесчувственной привычки». Всякий жаждет истинной, но не притворной привычки... Н. В. Гоголь

завершает в «Старосветских помещиках»: «Положите меня возле Пульхерии Ивановны», - вот все, что произнес он перед своею кончиною».

Все, что имеет начало, имеет и конец. Золотое правило (закон) бытия. Смерть - необходимый атрибут жизни. Без смерти жизнь невозможна. Можно ли спеть гимн смерти? Вообще нельзя, а специфически можно, как, например, Н. В. Гоголь... «Мне идей не нужно, а нужно поутру кофе. И чтобы подала его чистоплотная немка, а не наша русская дура. Кофей я выпью, и потом стану писать повесть «Нос»... Bravo, но ведь его «Нос» и есть гимн смерти. Н. В. Гоголь своим «Носом» одолел всех и всех оставил с носом. Потому и так легко оставил всех с носом, что мы «должны знать свое место...» «Нос» - символ цивилизации. «- Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений...» Такая цивилизация - *с м е р т ь*. Н. В. Гоголь терпеть не мог ничего фаллического. Боялся? Вряд ли... - ненавидел. Отсюда интерес к прыщику на носу.« - Ничего-с, никакого прыщика: нос чистый!» Забавно! До сексуальной революции чуть меньше столетия, до изысканий В. В. Розановым проблемы пола чуть больше полувека. Н. В. Гоголь – предтеча умерщвления человеческого тела.

Если верить Ч. Ломброзо, то, живя в Риме, Н. В. Гоголь посещал морги, рассматривая человеческие трупы* Что это? Некрофилизм в повседневности - не более, не менее. Это какие-то генетические предпосылки. Они-то и проявились в творчестве. Он своим творчеством мнет, топчет следы жизни - все вечное и живое, растущее и размножающееся. Если у А. Грибоедова и Фонвизина некрофильские черточки в творчестве лишь едва проклюнулись, то у Н. В. Гоголя некрофилия расцвела пышным букетом. Ведьму-панночку он описал классно. Интересно, смог бы Н.В.Гоголь описать рожаящую женщину? Ведь он - гений формы - особенно, когда описывается смерть.

Я вцепился в Н. В. Гоголя чрезмерно. Это совершенно неинтересно. Вот как мне относиться к смерти? Ведь Н. В. Гоголь своим некрофилизмом одолел меня. Чувствую и понимаю. Для Гоголя важнейший символ - смерть, а я до сих пор не знаю, как относиться к смерти. Как?... В молодости все казалось возможным, достижимым, позволительным - все было нипочем. Ну, подумаешь, мать плачет, жена страдает, но есть мерзопакостное «Я», орущее, вопящее, никого не слушающее и никого не понимающее - «Я хочу, и всё!!!» И от такого «Я» веяло смертью и «все умирало»... Не знаю, до чего бы я докатился. Однажды, спасибо Господу (это я сейчас говорю, а тогда я был высокомерный атеист), для себя внутренне открыл указание на живое зерно, которое прорастает и дает из себя колос, сказав:

- Ум растет и мужает...

- Моё время стремительно «летит» к смерти..., вечности...

* Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. – М.: РИПОЛ-классик, 2006. - 400 с.].

- Мне показывается, объясняется и доказывается та индивидуальная дорожка, которая ведет к Канту и позитивизму...

И решил написать и защитить докторскую диссертацию. Как будто диссертация была панацеей от всех бед?! Наивно и глупо. Это я сейчас понимаю, а тогда, «в лихие 90-тые», мне казалось, что я занят важнейшей философской проблемой - проблемой объективности законов. Даже тему диссертации обозначил: «Социокультурные аспекты объективных законов (на материалах истории философии и науки)». Поводом к анализу проблемы послужила перепалка на заседании кафедры с одним еврейчиком - Шлайфером Наумом Ефимовичем. Сладенький еврейчик был. Тогда, помнится мне, сцепился я с Н. Е. Шлайфером на заседании кафедры, из-за Б. Спинозы, когда Н. Е. заявил, что философия Спинозы - это целая реформация в европейской философии. Я ехидно спросил, а почему не Р. Декарт и причем тут реформация? И чтобы как-то досадить ему, заявил, что спинозовское *natura naturans* и *natura naturata est* что-то глупое и бессмысленное. Это выражение есть скрытая тавтология. И вообще, геометрический подход в «Этике» есть проявление высокомерия... Но именно спинозовское «творящее» (*naturans*) и «сотворенное» (*naturata*) меня увлекло. Ведь творящее - это стремление, это - порыв...; сотворенное - это заверщенное; творящее живет, играет, светится, сверкает. В творящем нет закона, в творящем властвует мука, напряжение. Сотворенное - это застывшая, завершенная форма. Вот, где существует закон - мир мертвого. Вот и наука объясняет мертвый мир и ничего не способна объяснить в творящем.

Это я сейчас понимаю, а когда «строчил» «мудографию», то казалось, что делаю нечто важное. Я не случайно использовал такое словечко, потому что современная культура, особенно в нашем обществе, заражена бациллой «мудистики», а жизнь проходит...

* * *

Полдень! Я никогда не любил полдня. Может, кому-то и нравится полдень, но не мне. Во-первых, в полдень ты уже знаешь примерно, как завершится день. В полдень нет теней. Очертания предметов резкие, отчетливые - отсутствие полутеней... Как же без полутеней! Во-вторых, полдня, полжизни - ни то, ни сё. В полжизни ведешь себя так, как будто *memento mori!* (Помни о смерти!) тебя не касается. О смерти нужно думать постоянно и готовить себя к этой великой минуте. Кстати, русский философ Иван Ильин считал, что задачей педагогики и есть подготовка человека к этой великой минуте. Но именно в пятьдесят лет необходимо бросить все замыслы серьезных проблем, требующих многолетней работы. И. Кант, например, «Критику чистого разума» начал писать, когда ему перевалило за сорок. Господь Бог дал ему возможность завершить

главный труд его жизни... Он еще успел написать две «Критики...». И все три «Критики...» -и философские бриллианты.

Способен ли человек описать свою жизнь? По-моему, способен, но с одним непременным условием: нужно спросить себя самого, к чему «Я» пришел, прожив полжизни, во что «Я» сейчас верю. Одним словом, надо взять свою жизнь в настоящем, в основных достижениях, и с этим фонарем современности отправиться в собственное прошлое. Это порою тяжело, но это один из способов понять себя.

Тут волей или неволей подумаешь о времени и о часах. Люблю и не люблю часы. Соединить это противоречие невозможно. Часы мерно отстукивают секунды, но каждый из нас переживает время и соответственно творит своё время - время своей жизни. Относиться к отстукиванию секунд-мгновений можно трояко. Можно спешить, торопиться-суетиться, можно медлить, двигаться без суетливости. Но есть и третье чувство времени - чувство судьбы. Кто из людей наделен этим чувством, тех мы считаем современными; это особенно касается людей, опережающих свое время. Советский физиолог, ученик И. П. Павлова, ак. К. Анохин выдвинул идею об опережающем отражении действительности.

После распада Советского Союза, когда все республики, составлявшие СССР, устремились к капитализму, трудно сказать, кто же современной – П. А. Столыпин или В. И. Ленин. То, что В. И. Ленин схватился со временем - это в настоящий момент понятно, когда люди в диком экстазе от разгула первобытного капитализма никак не могут обрести чувство меры и человечности... Главное, что сейчас нас приглашает время к существованию этого исторического периода: что понемногу все должно кончиться, что первобытный капитализм – это конец, когда перстный человек потихоньку, незаметно, постепенно, шаг за шагом будет уступать место другому человеческому типу. Какому? Не знаю. Уж слишком много в современном человеке «сапиеновской» жадности, жестокости, горделивости. До эры милосердия очень длинный путь. Я помню одно из путешествий на Алтай. Мы расположились на живописном берегу Бий возле пос. Турочак. Помнится, день был пасмурный и тяжело поднимался, но все кругом блестело – так бывает, когда подымается небо. Ветра не было, вода у берега еле-еле хлюпала, но на середине течения вода отливала свинцово-серебристым цветом. От Бий поднимался пар - воздух был теплый. Я наблюдал, как по реке несло бревно. Его затягивал водород - на середине воронки бревно стало вертикально, начало стремительно ввинчиваться в тугое горлышко и через какое-то мгновение совсем исчезло. Один местный житель сказал, что это место на Бий называется «Чертово колесо» - все, что попадает в него, исчезает... Я историю порою рассматриваю как гигантское «чертово колесо», которое всасывает, ввинчивает в себя поколения, и можно лишь удивляться, что не исчезает сама живая

стихия, что и мысли, чувства, идеи каждого поколения хоть в малой толике нам веют как нечто живое, небывалое, что каждое поколение явилось в историю с чем-то неповторимым и своеобразным. Может, эта бесконечно-разнообразная стихия и есть история? Основная масса людей, живших в прошлом и ныне живущих – это гумус. «Гумус истории» – понятие или категория, совершенно не проанализированная. Мы просто боимся говорить и думать об этом потому, что гумус истории – это сотворенное, основа будущей жизни. Гумус истории – это живая смерть. Человеку не хочется быть гумусом. Хотя и в данном случае меня мучают сомнения, потому что каждый человек жил, маялся дурью, страдал, надеясь на лучшее, любил и ненавидел, старался понять жизнь разумом и любовью. И жизнь любовью понимают единицы. Счастливы ли эти люди? Скорее всего, они страшно одиноки и выглядят, мягко говоря, чужаками, потому что не ко времени.

И снова проблема времени. «Что же такое *время*?» «Не думай о секундах свысока...» – поется в песне. А мгновение – что это такое? И секунда, час, год, неделя, столетие? Тайна времени не в длительности. Тайна времени – в его необратимости. Как увязать гумус истории и необратимость времени? Господа философы, культурологи, историки! Пишите диссертации на эту тему. Мы так кичимся мыслью, что каждый человек должен оставить после себя след. А должен ли? *Не знаю!* Ведь есть люди, «не оставляющие после себя следа»? Может быть, и есть, но все равно люди – не гумус. И поэтому не приемлю ни войн, ни революций – революций особенно не приемлю. В 1918 году началась гражданская война в России, а закончилась в Советском Союзе, насколько я понимаю, после 1945 года... Сколько людей ушло просто в небытие, в никуда... У меня очень сложное, неоднозначное отношение к СССР. Писать о том, почему советское государство не стало социальным – это целое отдельное исследование. В моей памяти осталась коммуналка с 5-ю семьями. Мы с мамой жили в комнатке 6 кв.м. Понятно, что ни кухни, ни туалета... Туалет на улице, а комната на третьем этаже пятиэтажного дома. Ночью класс! Уборная – ведро. Ведра в коридоре – не будешь же нюхать собственное говно! Чего ж вы хотите – «дела плоти»? А «плоть» еще и есть требовала, и в нашей коммуналке горело одновременно по шесть примусов (позже появились керогазы, а в начале шестидесятых годов – газовые плиты), и на каждом что-то варилось, жарилось, вываривалось... Я с тех пор не люблю тесноту, а сейчас просто не приемлю псевдоутешение: «В тесноте, да не в обиде». Основная масса советских граждан жили в коммуналках, в бараках, полуподвалах. Поэтому, когда при Н. С. Хрущеве началось решение жилищной проблемы, люди радовались несказанно. И когда М. С. Горбачев в 1985 г. заявил, что к 2000 году в СССР будет решена жилищная проблема – «каждая советская семья получит отдельную квартиру или дом», – то это мне напомнило: «Партия торжественно

заявляет: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»»

Почему я вцепился в проблему жилья? Потому что в нынешней Украине жилье (квартиры) для большинства граждан вообще не строится. Обыватель приходит в этот мир не революции достоинства делать; он приходит жить, и ему, по большому счету, и дела никакого нет до дихотомии «дела плоти» и «дела духа». «Дела плоти» первичны и фундаментальны. Квартира, сытность, телесно-плотские развлечения на первом месте. Обыватель о смерти и думать не желает. Попробуйте без фальши, лживости и фарисейства подумать о конкретных проявлениях жизни. В. В. Розанов в «Апокалипсисе нашего времени» размышляет о трех феноменах жизни - гусенице, куколке и мотыльке. Вот одно из прелюбопытнейших размышлений: «Мотылек - душа гусеницы. Solo – душа, без привходящего. Но это показывает, что «душа» - не нематериальна. Она - осязаема, видима, есть: но только - иначе, чем в земном существовании. Но что же это и как? Ах, наши сны и сновидения иногда реальнее бодрствования. Гусеница и бабочка показывают, что на земле мы - только «жрем»; а что «там» будет все - полет, движение, камедь, мирра и фимиам». Ну, и как вам пассаж В.В.Розанова? Для любителя логики есть работа - высказывание русского философа основано на софизме: «душа осязаема, видима, есть». Что означает, каков смысл понятия «есть»? С этого необходимо начинать разговор о душе. Неверно, что «на земле мы только «жрем»», а духовная культура? Куда же ее приткнуть, каким боком она связана с человеком?! Понятно, когда человек голоден ему не до жизни будущего века, он поглощен вкусовой и обонятельной стороной повседневности, ему не до вопроса: «что будет с душой при очень высокой температуре». Прожить жизнь, как Серафим Саровский, не каждому дано - это духовный подвиг. Прав был Ф. Энгельс, когда сказал, что прежде чем заниматься философией, живописью, политикой и т.д. человек должен есть, пить, иметь жилье, т.е. в основе фундаменте человеческой жизни лежит производство материальных благ. Это - не абстракция, это реальная, точнее - это феноменальная правда. Но есть и ноуменальная истина: в человеке должен взять верх «человек духовный», «небесный». В противном случае человек оскотинится...

* * *

Вечер. Когда наступает вечер? Я не знаю, но ранний вечер не люблю, как и полдень. Вечера разные и зимой, и весной и летом... Весенние вечера особенные, когда делаются открытыми: небо после заката надолго остается светлым. На нем едва видны звезды, соловьи начинают свои трели, еще не слышно сверчков, но уже порхают летучие мыши. Весенний воздух особенный, - в ольховых кустах пьянящий, в кустах сирени резковатый, возле акаций ощущается сладковатость, почва полна разных запахов – в это время земля раскрывает все свои поры, щели, складочки... Больше всего люблю

время появления на небосводе Венеры - вокруг нее небо еще долго розово-голубоватое. В это время заканчиваются дневные работы, которых по весне невпроворот - успевай только вливаться, влезать, вкапываться в ошеломляющее осязание пробивающихся к свету и распускающихся колокольчиков, васильков, незабудок, одуванчиков, мать-и мачехи... Удивительно. Радостно. Необъяснимо. Воистину - Светло.

Господи, как странно мир устроен. Я часто раздумываю о жизни моей мамы. Всю жизнь работала, как проклятая. Мать у нее умерла, когда ей было всего три года, отец ее бросил, оставив на «попечение» своего брата и уехал. С пятнадцати лет одна в большом городе и работа, работа, работа. Всю жизнь скукоженная, независимая и молчаливая. Ни читать, ни писать не умела. Некому было ее отправлять в школу, но книги любила и не запрещала мне собирать библиотеку. Когда переезжали на новую квартиру, полкузова машины занимали книги.

Сейчас молчаливость мамы понимаю. Её, невысокую, хорошо сложенную, красивую, порядочную и аккуратную женщину, окружали и на работе, и в коммуналке и никогда не смолкающие сплетницы, и злющие кошки, и откровенные спекулянтки и проститутки. Она не воспринимала словесную утрату. Помню, уже будучи взрослым, я спросил ее: «Почему вы второй раз не вышли замуж?» Мама тогда промолчала, только посмотрела на меня с какой-то грустью. Но однажды, на 9 мая, она сказала: «Я любила не только твоего отца, но и тени нашей любви». Это был ответ на мой вопрос и неутешный плач души ее в словах. По-моему, в этом ответе вся метафизика любви. Ответ ее был очень мудрый и простой. Я сейчас понимаю, что есть мысли, которых нельзя понять, не достигнув старости. Так и с «тенью любви». Ведь в любви много слов, посторонних шумов, событий... И есть молчание любви. То, о чем *про молчивает ся*. И это-то главное - главное почувствовать это. Молчание - это тень любви. Никогда в голову не приходило, что об этом можно думать. Я сейчас понимаю, что любовь бывает по одной-единственной причине: что «я - ты», «я - мы». Если не так, то это не любовь и даже не тень любви. Мама это понимала. Она любила отца, и тепло любви пронесла через всю свою нелегкую жизнь. Об отце мама рассказывала мало - словно скрывала что-то. В ее жизни больше было зла, низость мира, пошлость мира. Однажды, когда я уже работал на заводе учеником электрика, она сказала: добро рождается только от добра, добро не может быть беременно злом и зло никогда не породит добро. Странно, как она дошла, и додумалась до этого. Я вспоминал ее слова, когда читал Н. Бердяева «Опыт парадоксальной этики».

Мама жила вся в постоянном надеянии, и когда в первом классе (1951 год) отправила меня на несколько лет в Белоруссию, и когда я поступил в университет, и когда по глупости первый раз женился, и когда добровольно ушел в армию... Она жила с аппетитом добра, а ей отвечали злом и подлостью. Почему? Я не знаю, может быть, из-за ее

гордости или доброты. Я не знал характера своей мамы, потому что в Белоруссию она не могла приехать - отбывала срок, а через шесть лет я был очень занят своим «Я».

Белоруссия! Этот край меня встретил в первых числах июля. Слез я с подножки пригородного поезда «Минск-Борисов» и еле стащил чемодан. Пассажиры быстро разошлись, поезд перегнали на запасной путь, начал накрапывать дождик, а я все стоял как неприкаянный. Неподалеку от станционного колокола стоял плотный, высокий и плечистый мужчина и внимательно рассматривал меня. Затем он медленно направился в мою сторону, подойдя ко мне, лишь спросил: «Тебя кличут Володя?» Так я познакомился с Василием Амосовичем - маминым дядей, а для меня родным дедом, который заменил мне отца. Он взял чемодан, и мы пошли на привокзальную площадь. Положив чемодан в телегу, он велел мне садиться. Всю дорогу он молчал. Город я не рассматривал, до приезда в Белоруссию деревни я не знал. Но тогда я сидел в телеге и смотрел, как завороченный, на голубые поля, которые то возвышались, то сливались в ложбинах под ветром в сине-голубые оборки, рюшики и складки - точно портной-волшебник расстелил ковер зацветающего льна до самого горизонта. Там, вдали, голубой цветущий ковер сливался со стеной темно-синего леса. Через пару лет я полюбил эту пору года, когда, идя полем, всюду сквозь желтую зелень, мог видеть одинаковые, бесчисленные и бесконечные голубые цветочки. И когда, позже, лет через десять, я слушал по радио «А льон цвіте синьо-синьо, а мати жде з дороги сина», то вспоминал эту первозданную картину.

Демидовка показалась мне мрачной. По обе стороны центральной улицы уныло стояли избы с распахнутыми окнами светло-серого цвета. Белоруссия в те годы - после Великой Отечественной войны - только отстраивалась, и очень-очень редко можно было встретить обшитый дом с выкрашенной дранкой. Переступив порог избы, дед через горницу повел меня в темную комнату без окон, с небольшой лежанкой и столом у стены. Зажег керосиновую лампу, провел, раз-два, своей тяжелой, мозолистой рукой по моей голове, что-то пробормотал и вышел.

Через некоторое время меня позвали обедать. За столом, касаясь локтями друг друга, сидело восемь человек - семья была большая. Я был девятый. Все ждали, пока дед прочтет трапезную молитву. Ели молча щавельную похлебку. Я чувствовал на себе взгляды сидящих за столом - особенно бабы Зины. Ее черные глаза-буравчики источали неприятие. Видя, что я не поспеваю за всеми, дед молча встал, подошел к миснику и откуда-то из его глубины извлек небольшую глиняную миску. «Ну и малец!» - прошипела баба Зина. Не знаю почему, но она невзлюбила меня, едва я переступил порог избы. Я помню то детское ощущение, которое меня всегда охватывало, когда на меня устремляла свой колюче-буравчатый взгляд баба Зина - страшное ощущение, чувство одиночества. Уже когда я служил в армии и приехал в отпуск с мамой в Белоруссию, помню один

разговор с дедом. Мы сидели с ним на берегу Схи, опутив ноги в прохладную темно-зеленую воду:

- А ты, Василий Амосович, - одинокий бобыль.

- Ну, что же, придет и к тебе старость, и так же будешь одинок.

Издашь стон, и никто не услышит...

- Да я ведь не об этом!

- А про что ты? - и его серо-голубые глаза, как мне показалось, стали синие-синие.

- Ты же бабу Зину никогда не любил, всегда был с нею бобылем, а детей вон сколько наклепал...

Дед долго молчал - он вообще был немногословен, но с ним я никогда не ощущал одиночества.

- Ты, небось, Ульяну Ивановну помнишь?

- Ну и что?

Ульяну Ивановну, или бабу Улю, я увидел первый раз в бане, когда она зашла в парилку. Для меня это была третья или четвертая парилка, и мне уже доставляло большое удовольствие лежать на полатах и чувствовать распаренное тело, ощущать как по лбу, шее, позвоночнику стекают капельки пота. Со мной тогда были Гриша и Федя, и зять деда. Ульяна Ивановна с легкостью взобралась на полати и своей костлявой рукой провела по моей спине. В парилке пахло березовыми вениками, а она костлявыми руками хлестала вениками не только себя по спине, но и меня. Окатив себя и меня холодной водой, она ушла в предбанник. Помню, Гриша, когда Ульяна Ивановна ушла, бросил вдогонку: «Ну и баба Уля, в Демидовке любого мужика перепарит»... Ульяна Ивановна еще во время финской войны потеряла мужа, а за три года Великой Отечественной войны погибло трое ее сыновей, и жила она с дочерью – звали ее Прасковья. Дом у них был небольшой, с тремя комнатками, но очень уютный. Особенно уютно было в солнечные дни в светелке. Не знаю, что произошло в душе этой старой женщины, и это так и осталось необъясненным: она пристрастилась к чтению книг и стала их доставать. Не знаю, когда она успевала читать - работа в колхозе, да и на собственном подворье корова, свиньи, гуси, куры и огород. Но мало того! В демидовской начальной школе Ульяна Ивановна начала создавать библиотеку и именно она дала мне читать книгу ак. Е. Тарле о Наполеоне и Арсеньева «В дебрях Уссурийского края».

Ульяна Ивановна была трудоголичкой - ездила на покосы сена на равных с мужиками, очень редко пила самогон и, что я хорошо запомнил, никогда не материлась.

Разговор с дедом закончился его откровением: «Я крестил всех её мальцов - Михайла, Федора и Василия... Меньшенький сам вызвался на фронт, ему только восемнадцать стукнуло... За Жодино его убило... Ульяна в миг поседела...»

Я тогда не думал, что проблема одиночества – серьезнейшая, одна из философских проблем, кстати, полупившая прекрасное

истолкование в «Старосветских помещиках» Н. В. Гоголя. Но анализ проблемы одиночества я обнаружил в «Аксиомах религиозного опыта» И. А. Ильина. Вот что он, в частности писал: «Можно иметь общую мать или дочь, общего отца или сына; но иметь общую зубную боль или общее воспаление мозга, или общее удовольствие, или общий страх - нельзя. Длительное сосуществование в общем пространстве, совместность в жизненных отправлениях, долгое и постоянное общение и национальное или семейное сходство - не могут нарушить этого закона бытия человека: человек остается субъективным, индивидуальным и одиноким, и остро почувствует это в час болезни, гневного разрыва, несчастной любви, ревности, преступления, покаяния, заключения брака, душевной депрессии, отчаяния и смерти». Однако, по моему мнению, способом уменьшения одиночества является **любовь**.

* * *

Поздний вечер особенно люблю. И снова о времени. Ох уж эта проблема времени - самая, что ни есть метафизика. В нее никто из философов не рискнул погрузиться полностью с ясной головой и светлой душой. Попытался А. Эйнштейн. Ну и что? Аж ничего! Математика, математика и математика! Математика - это форма, а сущность, а суть?... Позитивист Ф.Энгельс провозгласил: «Пространство и время - формы существования материи...» Ну и что? Стало понятнее? Нисколечки! Я, например, этого никогда не понимал. И сейчас не понимаю. Когда думаешь о времени, наступает озноб души. Но ведь страшно, когда наступает озноб души? Время, как тяжелый рубль, неумолимо утюжит человека и в душе одни складки заглаживает, а другие расправляет... И что лучше – трудно сказать. Время можно любить и можно ненавидеть, но суть «нашего времени» - что оно все обращает в форму и фразу. Не было интернета, и люди фактически не знали, что такое виртуальный мир. Человек создал компьютер – и возник виртуальный мир. Человек противопоставляет виртуальный мир реальному миру. В виртуальном мире возможно все, там царствует абсолютная свобода - никакого греха, никакой ответственности, никакого стыда, никаких границ и запретов. Компьютер, присоединившись к человеческой душе, придал ей всемогущество. Но он же ее раздавил. Полупилась «компьютерная душа» с креативными механизмами, но без творческого вдохновения и порыва. Произошла ментальная революция, а с нею и духовная катастрофа. Великий И. Кант сказал в «Критике чистого разума», что предметом философии есть **Бог, свобода и бессмертие**. Но духовную катастрофу человек, похоже, ни признавать, ни замечать не желает, а посему он - раб своей гордыни, своего эгоизма.

Был В. И. Ленин, и его «диктатура пролетариата» оказалась формой и фразой, которые породили 100 % фальшь и ложь, и просто

потому, что социализм для него -объект, настало быть, человек для него – объект. Лишь там, где субъект и объект – одно, сливаются, тождественны, исчезает рационализм и начинает просвечивать истина.

Был Л. И. Брежнев, и его фраза о том, что за годы социализма у нас сформировалась «новая историческая общность людей - советский народ», есть лож, и просто потому, что нет какого-то братства, общности. Нет и не может быть любви к народу. Это - пустая фраза : «любить народ». Любить надо конкретного человека. В этом отношении очень близкой, может быть и яркой, очень жаркой, испепеляющей звездой является **любовь** - «ты», «для тебя...», «моё я для тебя». И отстаивать свою любовь надобно и ногтями, и зубами, и разумом, и сердцем, и телесно, и душевно, и духовно. Любовь - главное. Любовь - огонь и тепло. Любовь в твоей семье, в родителях, в твоих детях, в той земле, которая вскормила и вразумила. Их надо защищать, и окажется, что ты любишь свою *родину* - и Бог благословит тебя.

Любить, верить и служить своей Родине - вот программа для каждого уникама - еврея, русского, украинца, немца. Но что есть Родина для каждого? Род, семья, отец, мать. Родина начинается с матери, с ее живота, в котором творилось твоё «Я», с ее крови и её сосков, с колыбели, над которой она склонялась по ночам и прижимала к своей груди, к своему животу. Это потом, позже, общество, государство. Если человек прожил жизнь на Родине, то он оставляет после себя след. Родина там, где твой дом; не квартира, а дом. Можно занимать квартиру и не иметь дома. Нет дома – нет следа. В доме всегда есть дверь к хозяину, к его роду, к Родине.

С чего начинается Родина?

С картинки в твоём букваре...

Букварь - это начало, это - основа ... Все просто и очень сложно.

И все же люблю поздние часы, на излете то ли суток, то ли своей занятости. Днем ты связан текучкой, вечером развязываешься. Поздно вечером можно подумать, поразмыслить, пометафизировать - и в отличие от больных, зараженных интернетом, можно подумать и о свободе. Именно только лишь подумать о свободе. И. Кант так и останется И. Кантом, и никакой интернет его не одолеет, потому что свобода так и останется предметом размышления для философа. Базовыми понятием в размышлениях И. Канта о свободе является понятие «опыт». Категория «свобода» - проблема для философа, но и «опыт» так же «неподъёмен». Никто из философов толком не может объяснить, что же такое «опыт». У самого И.Канта понятие «опыт» оказывается размытым и неопределенным; например, с. 89: «...с помощью способности априорного познания мы никогда не сможем выйти за пределы возможного опыта», что и «составляет самую существенную задачу метафизики»; с. 105.: «хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта»; с. 130: «представление о пространстве не может быть поэтому заимствовано ...посредством опыта: сам этот внешний

опыт становится возможным...благодаря представлению о пространстве»; с. 187-188.: «...в основе всякого опытного знания лежат понятия о предметах вообще как априорные условия»; с. 202 возможность «эмпирического знания, которое называется опытом»; с. 249: «...опыт есть познание объектов посредством восприятий»; с. 466.: «...никакой опыт не ограничен абсолютно»...Для знатоков немецкого языка можно предложить тему диссертации «Категория «опыт» в метафизике И. Канта». На с. 421 «Критики чистого разума» И. Кант пишет: **«трансцендентальная свобода противоположна закону причинности и представляет собой такое соединение последовательных состояний действующих причин, при котором невозможно никакое единство опыта и которого, следовательно, нет ни в одном опыте; стало быть, она есть пустое порождение мысли».**

Если вдуматься в этот вывод, то он просто гениален. Вообще «Критика чистого разума» - это ноумен европейского рационализма. Современное естествознание до сих пор не дотянулось до «Критики чистого разума», а тем более современная европейская философия, которая «светопреставилась». Вдуматься только!... Понятие «свобода» - пустое понятие. Ай да И. Кант!...

* * *

В полночь шумит, шаркает по крыше, осенний ветер, и я представляю, как срываются с кустов, молодых и старых деревьев листья, мелкие веточки и несутся в темноту, как изгибаются крупные ветви под напором ветра... Так и время в его стремительности, быстротечности срывает с души нашей планы, фантазии, желания, слова, фразы, почувствования, полумысли, вздохи... А душа, с ее прекрасными и отвратительными порывами, нисколечко не сожалеет об этом. Здесь душа не подчиняется разуму, она, как и подобает хозяйке в доме, вполне самодостаточна. Душа живет своей жизнью. И придет какая-нибудь мысль, и если тебе её даже ни одной фразой невозможно как-то зацепить в своей голове, то через некоторое время от нее не останется и следа. Мысль умирает, и ни за что её не припомнишь. Душа живет, мозг умирает раньше души. Все же Спинозовское **natura naturata** имеет смысл. Только это остается навсегда великой тайной. И напрасно марксисты пытались отрестить через позитивизм от кантовской «вещи в себе». **Жизнь есть вещь-в-себе.**

Статья поступила в редакцию 18.11.2015 г.